

Нассим Талеб

Одуроченные случайностью

О скрытой роли шанса в бизнесе и в жизни

Перевод с английского Сергея Филина

2-е издание

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»
Москва, 2012

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

Оглавление

Предисловие	10
Благодарности ко второму изданию, исправленному и дополненному	21
Пролог	26

ЧАСТЬ I ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ СОЛОНА

Глава 1. Если ты такой богатый, то почему такой глупый?	36
Глава 2. Необычный метод учета.	52
Глава 3. Размышления о математической истории.	71
Глава 4. Случайность, бессмыслица и научный интеллект.	96
Глава 5. Выживание наименее приспособленного — может ли случайность одурачить эволюцию?	104
Глава 6. Перекос и асимметрия	121
Глава 7. Проблема индукции.	138

ЧАСТЬ II ОБЕЗЬЯНЫ У ПИШУЩЕЙ МАШИНКИ

Глава 8. Среди моих соседей слишком много миллионеров.	157
Глава 9. Покупать и продавать проще, чем жарить яичницу.	166
Глава 10. Проигравший получает все — о нелинейности жизни	187
Глава 11. Случайность и наш разум: мы вероятно слепы.	196

ЧАСТЬ III ВОСК В МОИХ УШАХ

Глава 12. Приметы игрока и голуби в ящике	237
Глава 13. Карнеад едет в Рим: о вероятности и скептицизме	244
Глава 14. Бахус оставляет Антония.	254
Эпилог. Солон предупреждал тебя об этом	259
Постскриптум. Три мысли напоследок.	260
Благодарности к первому изданию.	269
Поход в библиотеку	272
Список литературы.	297

*Моей маме,
Минерве Госн Талёб*

*Мы благодарим Игоря Василевского
за рекомендацию этой книги!
Издатели*

Часть I

Предупреждение Солона

Переко́с, асимметрия, индукция

Крез, царь Лидии, считался богатейшим среди людей своего времени. И в наши дни в романских языках для описания человека чрезмерного достатка есть выражение «богат как Крез». По легенде, его как-то посетил греческий законодатель Солон, известный чувством собственного достоинства, непоколебимой нравственностью, сдержанностью, умеренностью, бережливостью, мудростью, интеллектом и мужеством. Солон совсем не удивился богатству и блеску, окружавшим Креза, и нисколько не восхитился ими. Безразличие прославленного гостя рассердило властителя, и он попытался выяснить его причину, спросив, знает ли Солон кого-то счастливее, чем он, Крез. В ответ Солон рассказал ему об одном человеке, который жил благородно и погиб в сражении. Крез ждал продолжения, и Солон стал рассказывать о других доблестных, но уже умерших людях, пока Крез, разгневавшись, не спросил прямо — разве не он должен считаться счастливейшим человеком из всех. Солон ответил: «Наблюдение многочисленных несчастий, которые случаются с людьми независимо от их достатка, не позволяет нам кичиться нашим нынешним положением или восхищаться счастьем человека, который с течением времени еще может испытать страдания. Ведь впереди неопределенное будущее, и у него множество вариантов; счастливым мы можем назвать только того, кто гарантированно наслаждался счастьем до самого конца».

У этой речи есть очень выразительный современный эквивалент, озвученный бейсбольным тренером Йоги Беррой*, который, казалось, перевел ее с чистого аттического древнегреческого на не менее чистый бруклинский английский своим «это не кончилось, пока не кончилось» или еще менее пафосным «это не кончилось, пока толстуха не запела**». У слов Йоги Берры помимо их простоты есть еще одно достоинство: он действительно сказал их, в то время как встреча Креза и Солона произошла лишь в воображении хроникеров, поскольку эти два человека жили в разное время.

* Йоги Берра (род. 12.05.1925) — американский бейсболист и тренер, один из лучших ловцов в истории. Прославился также своими остротами и афоризмами, их называют «йогизмами». *Прим. перев.*

** Предположительно, имеется в виду исполнительница роли Брунгильды, одной из валькирий в опере Вагнера «Кольцо нибелунгов», обычно весьма крупная дама. Ее арией заканчивается каждая из четырех частей этого музыкального произведения. Йоги Берра, видимо, считал, что пение «толстухи» — признак окончания любой оперы. *Прим. перев.*

Часть I посвящена тому, как с течением времени все может поменяться. В некоторых ситуациях нас вводит в заблуждение вмешательство богини Фортуны, первой дочери Юпитера. Солон был так мудр, что понял следующее: то, что пришло благодаря случаю, может и уйти в результате случая (зачастую быстро и неожиданно). Важно и обратное утверждение (мы поразмышляем о нем): чем меньше удача повлияла на появление чего-либо, тем меньше риска, что оно случайно исчезнет. Солон интуитивно пришел к тому, что не дает покоя ученым на протяжении последних трех столетий, — к «проблеме индукции» (в моей терминологии «черный лебедь», или «редкое событие»). Философ размышлял и над смежной с этим темой, которую назовем «перекосом»: неважно, как часто кто-то достигает успеха, если для него слишком трудно перенести неудачу.

Однако история о Крезе имеет еще один поворот. После поражения в битве со страшным персидским царем Киром его должны были сжечь на костре. В последний момент он вспомнил слова мудреца и воскликнул (что-то вроде): «Солон, ты был прав!» (и снова это легенда). Кир задал ему вопрос о причинах столь необычного поведения, и тот рассказал о предупреждении Солона. Кир был настолько впечатлен рассказом, что решил сохранить Крезу жизнь, ведь тот олицетворял все, чего ему стоило опасаться. В те времена жили думающие люди.

Глава 1

Если ты такой богатый, то почему такой глупый?

О влиянии случайности на социальный статус человека на примере двух персонажей с противоположными установками. О роли неприметного маловероятного события. О том, что в наше время быстро меняется все, кроме, пожалуй, стоматологии.

Ниро Тьюлип

Вспышка молнии

Мысль о работе на фондовом рынке захватила Ниро Тьюлипа после того, как однажды весной он стал свидетелем необычной сцены у здания Чикагской товарной биржи. Красный кабриолет «Порше» подлетел к бирже на огромной скорости и резко затормозил у входа, завизжав шинами, как поросенок под ножом мясника. Из машины выскочил спортивного вида мужчина лет тридцати пяти с багровым лицом, явно не владевший собой. Он взбежал по ступенькам, как будто за ним гнался тигр. Все это сопровождалось сердитыми фанфарами автомобильных гудков — кабриолет с работающим двигателем был брошен посреди дороги. Спустя несколько долгих минут появился молодой человек в желтом пиджаке (этот цвет был закреплен на бирже за техническим персоналом) и лениво спустился к машине, не обращая ни малейшего внимания на возникшую пробку. Он небрежно отогнал «Порше» на подземную автостоянку, похоже, это было его привычной работой.

В тот момент Ниро пережил то, что французы называют *coup de foudre* — глубокое чувство влечения, близкое к одержимости и внезапное, как вспышка молнии. «Вот это по мне!» — восторженно воскликнул Ниро, ведь что могло быть лучше жизни трейдера! Научная

карьера ассоциировалась с тихим университетским кабинетом и неприветливыми секретаршами, а при мысли о бизнесе возникал образ скучного офиса, полного законченных тугодумов и зануд.

Временное просветление

В отличие от *coup de foudre* одержимость Ниро, вызванная чикагским эпизодом, не проходит уже свыше пятнадцати лет. Он готов поклясться, что в наше время от скуки спасает только профессия трейдера, никакое другое законное занятие в этом не поможет. По его мнению, даже пиратам в открытом море чаще бывает скучно, хотя пиратом ему быть не доводилось.

Упрощенно психологию Ниро можно описать так: случайным образом (и при этом внезапно) он переключается между состояниями «историк церкви» с его своеобразными манерами и речью и «брокер товарной биржи» с его вербальной невоздержанностью и напором. Он может, не моргнув глазом и без тени сомнения, совершать сделки на сотни миллионов долларов, но при этом судорожно выбирает между двумя салатами в меню, снова и снова меняя свое решение и выводя из себя даже самых терпеливых официантов.

Ниро окончил Кембриджский университет по специальностям «античная литература» и «математика». Он собрался продолжить обучение в Чикагском университете, чтобы написать диссертацию по статистике, но, прослушав положенные лекции и завершив большую часть исследований, перевелся на философский факультет — к ужасу своего научного руководителя, который отговаривал его от общения с философами и предсказывал скорое возвращение. Ниро назвал свое решение «временным просветлением». Он бросил писать диссертацию, хотя и не стал посвящать ее непостижимой философии континентальной Европы в стиле Дерриды* (непостижимой по крайней мере для тех, кто, как и я, не входит в число ее адептов). Тема была прямо противоположная: в его диссертации рассматривалась методология статистического вывода в применении к социальным наукам. Но на самом деле эта работа не отличалась от диссертации по математической статистике, а лишь содержала больше рассуждений (и была раза в два длиннее).

* Жак Деррида (1930–2004) — французский философ и критик, наиболее значительная фигура в развитии направления, называемого деконструктивизмом. *Прим. перев.*

Часто говорят, что философия не приносит денег, но Ниро ушел из нее не по этой причине. Он ушел потому, что философия не приносит радости. Сначала она стала казаться бессмысленной, и ему вспомнилось предупреждение его научного руководителя. Потом вдруг превратилась в рутину. Как только Ниро устал писать статьи, в которых просто подробнее рассматривал отдельные положения своих же предыдущих публикаций, он бросил университет. Научные споры наскучили ему до зевоты, особенно когда речь шла о деталях, которые непосвященные и не заметили бы. Ему хотелось действовать. Ведь и науку он изначально выбрал только потому, что искал альтернативу пресному подчиненному существованию в качестве служащего.

После эпизода с человеком, «преследуемым тигром», он прошел обучение на Чикагской товарной бирже — крупной торговой площадке, где брокеры заключают сделки, громко крича и бурно жестикулируя. Там он работал с одним успешным (хотя и эксцентричным) брокером, который давал ему уроки профессии «в чикагском стиле», а Ниро решал за него уравнения. Энергетика и атмосфера биржи мотивировали на успех. Вскоре ему разрешили работать самостоятельно. Затем, устав проводить весь день на ногах и напрягать голосовые связки в толпе коллег, Ниро решил поискать место «наверху», то есть начать торговать из офиса. Он переехал в пригород Нью-Йорка и устроился на работу в инвестиционный банк.

Специализацией Ниро стали сложные финансовые инструменты, требующие знания количественных методов анализа, он быстро прославился в этой области, стал известным и востребованным. Многие инвестбанки Нью-Йорка и Лондона соблазняли его обещаниями крупных гарантированных бонусов. Пару лет он курсировал между этими двумя городами, проводя важные совещания и одеваясь в дорогие костюмы. Но вскоре исчез из виду, стремясь поскорее вернуть былую анонимность, — статус «звезды Уолл-стрит» не совсем соответствовал его темпераменту. Чтобы оставаться широко известным трейдером, нужны организационные амбиции и жажда власти, чего у Ниро, к счастью, нет. Во всем этом он искал лишь развлечений, а развлечения не предполагают выполнения административной работы. Ниро не выносит скучной атмосферы комнат для переговоров и не может долго общаться с бизнесменами, особенно заурядными. У него аллергия на деловой жаргон, и дело здесь не только в эстетических предпочтениях.

Фразы вроде «стратегия действий», «чистая прибыль», «как попасть отсюда туда», «мы предлагаем решения нашим клиентам», «наша миссия» и другие банальности, обычные для совещаний, лишены столь любимых им точности и яркости. Ниро все равно, простое ли это пустословие или рабочие встречи действительно имеют какую-то ценность, в любом случае он не хочет в этом участвовать. Более того, он почти не общается с людьми из мира бизнеса, хотя у него много знакомых. А когда он все-таки сталкивается с чьей-то неуклюжей высокопарностью, то держится с мягкой отстраненностью (я, в отличие от него, в таких ситуациях чрезвычайно раздражаюсь).

Итак, Ниро изменил род деятельности и переключился на собственные операции компании, когда трейдеры управляют фактически независимыми внутренними инвестиционными фондами и самостоятельно принимают решения о вложениях. Они могут действовать по своему усмотрению, при условии, конечно, что их результаты устраивают руководство. Слово «собственные» в этом случае означает, что трейдеры торгуют на средства своей компании*. По итогам года они получают вознаграждение в размере 7–12% от заработанной прибыли. Трейдер, специализирующийся на собственных операциях, пользуется всеми преимуществами человека свободной профессии, одновременно избегая того, что осложняет жизнь предпринимателя, вынужденного отслеживать мельчайшие аспекты своего бизнеса. Он может отводить работе столько времени, сколько захочет, путешествовать, когда заблагорассудится, и — при необходимости — заниматься личными делами. Это просто рай для такого интеллектуала, как Ниро, который терпеть не может рутинной деятельности и ценит возможность поразмышлять вне рамок графика. Так он работал последние десять лет в двух разных компаниях.

Modus operandi**

Немного о методах Ниро. Как трейдер он настолько консервативен, насколько это возможно в его профессии. Какие-то годы сложились для него лучше, какие-то хуже, но по-настоящему плохого года у него, в общем-то, не было. Благодаря доходу в диапазоне от 300 тыс.

* В отличие от обычных трейдеров, работающих с клиентами и совершающих сделки от их имени и за их счет. *Прим. перев.*

** Modus operandi (лат.) — образ действий. *Прим. перев.*

до 2,5 млн долларов у него постепенно появились сбережения на черный день. В среднем ему удавалось отложить по 500 тыс. долларов в год после уплаты налогов (при среднем доходе в 1 млн), эти суммы поступали сразу на его сберегательный счет. Из-за неудач в 1993 году ему стало неуютно в компании. Другие трейдеры справились лучше, капитал, переданный в управление Ниро, сильно сократили, и он почувствовал свою ненужность. Тогда он нашел похожую работу, вплоть до аналогичного дизайна рабочего места, но в компании с более дружелюбной обстановкой. Осенью 1994 года после неожиданного ужесточения политики Федеральной резервной системы США трейдеры, соревновавшиеся в ожидании премий за более высокие результаты, в унисон пошли ко дну из-за краха глобального рынка облигаций. Все они вылетели с рынка и теперь занимаются кто чем. В этом бизнесе высокие моральные планки.

Почему у Ниро меньше денег, чем могло бы быть? Из-за стиля торговли или, возможно, из-за его типа личности. Он очень не любит риск. Его цель состоит не в увеличении прибыли, а в том, чтобы у него не отобрали игрушку под названием «трейдинг». Проиграть значило бы вернуться к университетской скуке или иной жизни без сделок. Каждый раз в случае повышения рисков его позиции он вспоминает тихие утренние коридоры университета и долгие часы за письменным столом в работе над статьей, когда только плохой кофе спасает от сна. Нет, он не хочет вернуться в университетскую библиотеку с ее торжественной атмосферой, где ему было скучно до зевоты. «Я буду бороться за долгожительство», — обычно говорит он.

Ниро видел много «лопнувших» брокеров и не хочет оказаться в их положении. «Лопнуть» на сленге буквально означает не просто потерять деньги, а потерять больше денег, чем можно было бы предположить, так много, что оказываешься выброшенным из бизнеса (эквивалент потери доктором права на практику или адвокатом своего звания). Ниро быстро закрывает позицию в случае потерь определенного размера. Он никогда не продает непокрытых опционов (стратегия, которая может создать риск крупных потенциальных убытков). Он никогда не допускает положения, когда может потерять больше, например, 1 млн долларов, независимо от вероятности такого события. Эта сумма всегда разная и зависит от прибыли, накопленной за год. Такая антипатия к риску не позволяет ему зарабатывать столько,

сколько зарабатывают другие трейдеры на Уолл-стрит, которых часто называют «властелинами мира». Фирмы, в которых он работал, обычно выделяли больше средств трейдерам, стиль работы которых отличался от стиля Ниро, таким как Джон, с которым мы скоро познакомимся.

Темперамент Ниро не протестует против небольших убытков. «Мне нравится терять понемногу, — говорит он, — просто мне нужно, чтобы выигрыши были крупными». Но ни при каких обстоятельствах он не желает подвергаться риску таких редких событий, как всеобщая паника и биржевой крах, которые в мгновение ока уничтожают трейдеров. Наоборот, он хочет получать от них пользу. Когда люди спрашивают у него, почему он не сочувствует проигравшим, он неизменно отвечает, что учился «у самого трусливого из них», чикагского брокера Стиво, преподававшего ему уроки бизнеса. Это неправда, настоящая причина кроется в его знаниях вероятности и природном скептицизме.

Есть еще одна причина, почему Ниро не столь богат, как другие его коллеги. Его скептицизм не позволяет ему инвестировать хотя бы часть личных сбережений во что-либо, кроме государственных облигаций. Поэтому он недополучает, когда рынком правят «быки». Он считает, что рынок может загнать в ловушку, неожиданно став «медвежьим». В глубине души Ниро серьезно подозревает, что фондовый рынок в некотором роде инвестиционное мошенничество, и не хочет владеть акциями. От своих знакомых, обогатившихся на фондовом рынке, Ниро отличается тем, что имеет большой текущий доход, но его активы не «раздуваются», как у других (казначейские обязательства почти не прибавляют в цене). Он не хочет иметь ничего общего с новыми высокотехнологичными компаниями, хотя и имеющими отрицательный денежный поток, но страстно любимыми толпой. В результате высокой оценки их акций некоторые люди стали богатыми, а значит, попали в зависимость от случайного выбора победителя рынком. Ниро отличается от своих друзей из инвестиционного сообщества: он не зависит от «бычьего» рынка и, соответственно, совсем не должен волноваться из-за рынка «медведей». Его благосостояние не является функцией инвестирования сбережений — он хочет, чтобы его обогащение зависело не от инвестиций, а от текущих доходов. Ниро не допускает ни малейшего риска в отношении своих средств

и вкладывает их в максимально безопасные инструменты. Казначейские обязательства надежны, их выпускает правительство США, а правительства обычно не допускают банкротств, поскольку могут свободно печатать собственную валюту для погашения своих обязательств.

Нетрудовая этика

Сегодня, в тридцать девять лет, после четырнадцати лет в бизнесе он чувствует себя комфортно. Его личный портфель состоит из казначейских обязательств на несколько миллионов долларов со средними сроками до погашения, и этого достаточно, чтобы совсем не беспокоиться о будущем. Больше всего в собственных операциях ему нравится то, что они требуют значительно меньше времени, чем другие высокооплачиваемые профессии; другими словами, это идеально соответствует его трудовой этике, которая отличается от исповедуемой средним классом. Трейдинг заставляет много думать; те, кто лишь много работает, обычно теряют свою сосредоточенность и мыслительную энергию. Кроме того, они заканчивают тем, что тонут в случайности. Ниро верит, что трудовая этика принуждает людей концентрироваться на «шуме», а не «сигнале» (разницу мы показали в табл. 1).

Наличие свободного времени позволяет ему заниматься личными делами. Поскольку Ниро запоем читает и проводит много времени в музеях и спортивном зале, то не может жить по графику, обычному для адвоката или врача. Он нашел время вернуться на факультет статистики, где когда-то начинал писать диссертацию, и завершил ее, переориентировав свою работу уже в область точных наук и переписав в более четких формулировках. Теперь он преподает на математическом факультете университета Нью-Йорка, ежегодно проводя семинар длительностью в полсеместра под названием «История вероятностного мышления», весьма оригинальный предмет, привлекающий отличных студентов-старшекурсников. У него достаточно сбережений, чтобы и в будущем сохранить свой стиль жизни, например, он может уйти из бизнеса и писать эссе на научно-популярные темы, связанные с вероятностью и *недетерминированностью*, но только в том случае, если какое-либо будущее событие вызовет остановку рынков. Ниро убежден, что трудолюбие, осторожное отношение

к риску и дисциплина с большей вероятностью приведут к комфорту в жизни. Все остальное — за счет чистой случайности, принятия громадных (и неосознанных) рисков или чрезвычайной удачливости. Тихий успех — результат способностей и труда. Дикая удача — результат отклонений.

Всегда есть что скрывать

Вероятностный самоанализ Ниро можно объяснить драматическим событием в его жизни, событием, которое он хранит в тайне. Проницательный наблюдатель мог заметить в этом человеке избыток подозрительной энергичности и неестественный настрой. Его жизнь не столь кристально чиста и прозрачна, как может показаться. Он хранит секрет, который мы в свое время обсудим.

«Высокодоходный» трейдер Джон

В 90-е годы через улицу от дома Ниро располагался гораздо более просторный дом Джона. Тот работал с высокодоходными инструментами, и его стиль торговли отличался от стиля Ниро. Даже по короткому профессиональному разговору стало бы ясно, что Джон обладает глубиной интеллекта и остротой анализа инструктора по аэробике (но не его физической формой). Невнимательный человек сказал бы, что дела у него идут заметно лучше, чем у Ниро (или как минимум Джон считал нужным это демонстрировать). У его дома были припаркованы два роскошных немецких автомобиля (его и жены) помимо еще двух кабриолетов (один из них был «Феррари»), тогда как Ниро почти десять лет водил один и тот же открытый «Фольксваген» и продолжает на нем ездить.

Жены Джона и Ниро были знакомы (как знакомы люди, встречающиеся в спортивном клубе), но супруге Ниро от этого общения было чрезвычайно некомфортно. Она чувствовала, что жена Джона не просто пытается произвести на нее впечатление, а относится к ней снисходительно. В то время как Ниро постепенно смирился с привычками богатеющих трейдеров (слишком старательно становящихся продвинутыми и превращающихся в коллекционеров хорошего вина и знатоков оперы), его жену демонстрация богатства угнетала — она относилась к тому типу людей, которые в определенный момент своей

жизни почувствовали укол бедности и хотят наверстать упущенное, демонстрируя свои вещи. Ниро часто говорит, что единственная неприятная сторона жизни трейдера заключается том, что иногда приходится наблюдать, как денежный водопад действует на некоторых неподготовленных людей, внезапно узнающих, что «Времена года» Вивальди — изысканная музыка. Но для его супруги было нелегко почти ежедневно выслушивать, как соседка хвалится своим новым декоратором интерьеров. Джону и его жене нравилось, что их библиотека состоит исключительно из книг в кожаных переплетах (в клубе ее чтение ограничивалось журналом *People*^{*}, зато на книжных полках стояла коллекция непрочитанных книг давно умерших американских писателей). Жена Джона постоянно упоминала места с непроизносимыми названиями, где они отдыхали во время отпуска, при этом не имея о них ни малейшего понятия, — ей было бы трудно объяснить даже то, к какому континенту относятся Сейшельские острова. Жена Ниро была уязвлена — хотя она и продолжала говорить себе, что не хочет быть в шкуре жены Джона, однако чувствовала, как ее затягивает конкуренция образов жизни. Почему-то слова и доводы теряли силу при виде огромных бриллиантов, монструозного дома и коллекции спортивных автомобилей.

Богатый провинциал

Ниро тоже испытывал к соседям неоднозначные чувства. Он довольно презрительно относился к Джону, воплощавшему в себе почти все, чем не был и не хотел быть Ниро, но есть ведь и социальный пресс, давление которого он начал ощущать. Кроме того, ему тоже хотелось попробовать, каково это — иметь столь чрезмерный достаток. Интеллектуальное презрение не может тягаться с чувством зависти. Тот дом через дорогу становился все больше и больше, к нему добавлялась пристройка за пристройкой, и в той же степени рос дискомфорт Ниро. Хотя он был успешнее, чем мог вообразить когда-то в своих самых смелых мечтах, — и финансово и интеллектуально, но начал считать, что упустил какой-то шанс. С точки зрения социальной иерархии Уолл-стрит появление такого типа, как Джон, означало, что

^{*} Популярный американский еженедельник, посвященный жизни звезд шоу-бизнеса. *Прим. перев.*

Ниро больше не выдающийся трейдер, и хотя раньше его это не заботило, теперь Джон, его дом и его автомобили начали терзать Ниро. Все было бы хорошо, если бы ему не приходилось каждое утро видеть через дорогу этот дурацкий домище, судивший его с высоты своего превосходства. Играл ли свою роль животный социальный статус, в соответствии с которым размер дома Джона означал, что Ниро является мужчиной второго сорта? Хуже того, Джон был примерно на пять лет моложе и, несмотря на более короткую карьеру, зарабатывал примерно в десять раз больше.

Когда они сталкивались, у Ниро возникало отчетливое ощущение, что Джон пытается принизить его — почти незаметными, но от этого не менее сильными знаками снисхождения. В какие-то дни Джон его абсолютно игнорировал. Будь тот персонажем, о котором Ниро лишь читал в газетах, не живи он так близко, ситуация была бы другой. Но Джон был из плоти и крови, и он был его соседом. Ниро совершал ошибку, разговаривая с ним, поскольку немедленно включались механизмы социального статуса. Он пытался уменьшить дискомфорт, вспоминая поведение Свана, героя романа Пруста «В поисках утраченного времени», утонченного продавца живописи и беззаботного человека, который чувствовал себя совершенно свободно, общаясь с принцем Уэльским, его близким другом, а в присутствии человека из среднего класса вел себя так, как будто ему нужно было что-то доказать. Свану было намного легче смешаться с аристократичными состоятельными Германтами, потому что он, без сомнения, намного увереннее чувствовал себя в их присутствии, чем с карабкающимися по социальной лестнице Вердюренами. Точно так же и Ниро мог рассчитывать на некоторое уважение со стороны престижных и заметных людей. Он регулярно совершает долгие медитативные прогулки по Парижу и Венеции с эрудированными учеными масштаба нобелевских лауреатов (этим людям уже не нужно никому ничего доказывать), которые сами просят его о встрече. Один очень известный миллиардер и спекулянт регулярно звонит Ниро, чтобы узнать его мнение об оценке некоторых производных ценных бумаг. Однако он одержимо пытался добиться уважения богатого деревенщины с дешевым акцентом уроженца «Нуу-Джойзи*». (Я бы на месте Ниро

* Вариант произношения жителями штата Нью-Джерси его названия. *Прим. перев.*

продемонстрировал свое презрение к Джону, используя «язык тела», но, повторюсь, Ниро — хороший человек.)

Ясно, что Джон не был столь хорошо образован, воспитан, физически сложен и не казался таким же интеллигентным, как Ниро, но это было еще не все: ему не хватало даже обычной практической смекалки! Ниро встречал в подворотнях Чикаго по-настоящему смысленных людей, демонстрировавших живость ума, которой совсем не было в Джоне. Ниро был убежден, что этот человек — самоуверенный поверхностный болтун, который много зарабатывает только потому, что никогда не задумывался о собственной уязвимости. Но временами он не мог сопротивляться чувству зависти — ему было интересно, объективная ли это оценка Джона или она вызвана ощущением уязвленного самолюбия. Может, на самом деле это Ниро — плохой трейдер? Может, ему следовало больше работать или вернее оценивать возможности, вместо того чтобы размышлять, писать статьи и читать сложные книги? Может, ему лучше было заняться торговлей высокодоходными инструментами, где он сиял бы на фоне пустышек вроде Джона?

Ниро попытался ослабить свою зависть, изучая правила социальной иерархии. Психологи доказывают, что большинство людей предпочитают получать 70 тыс. долларов, если все вокруг них получают 60, чем зарабатывать 80 тыс. в окружении тех, кто имеет 90. «Экономика — это экономикой, однако все дело в социальном статусе», — думал он. Но этот анализ не мог удержать его от оценки своего состояния с абсолютной, а не относительной точки зрения. Имея рядом Джона, Ниро чувствовал, что при всей своей интеллектуальной тренированности он тоже предпочел бы зарабатывать меньше при условии, что другие получают еще меньше.

Ниро цеплялся за мысль о простом везении Джона и надеялся, что ему все же не придется переезжать подальше от палатки его соседа. Он верил, что судьба настигнет Джона. Казалось, тот не осведомлен о риске лопнуть, он не учитывал его потому, что имел мало опыта (а также мало ума для изучения истории). Как мог Джон с его неразвитым мозгом зарабатывать тем не менее так много? Этот бизнес по работе с «мусорными» (необеспеченными высокорисковыми) облигациями зависит от некоторого знания шансов, вычисления вероятности редких (или случайных) событий. Что такие тупицы знают

о вероятности? Трейдеры используют количественные инструменты, дающие им шансы, но Ниро не был согласен с применявшимися методами. Торговля высокодоходными бумагами напоминает сон на железнодорожных путях. В какой-то день внезапный поезд вас переедет. Долгое время вы зарабатываете каждый месяц, а затем в считанные часы все теряете. Он видел, как это было с продавцами опционов в 1987, 1989, 1992 и 1998 годах. Однажды огромные охранники выводили их из торгового зала биржи, и больше никто никогда их не видел. Большой дом просто куплен в кредит — Джон мог оказаться в итоге дилером роскошных автомобилей где-нибудь в Нью-Джерси, продавая их новым богачам, которые, несомненно, чувствовали бы себя комфортно в его присутствии. Ниро не мог вылететь с рынка. Его гораздо более скромных размеров дом и четыре тысячи книг — его собственность. Никакое событие на рынке не может отнять их у него. Каждая его потеря ограничена. Его положение трейдера никогда, никогда не будет подвергнуто угрозе!

Джон, со своей стороны, думал о Ниро как о неудачнике, и при этом как о слишком образованном снобе-неудачнике, занимавшемся устаревшим делом. Джон верил, что его дорога ведет вверх. «Эти собственные операции постепенно отомрут, — обычно говорил он, — они там считают, что умнее других, но их время ушло».

Горячее лето

В итоге в сентябре 1998 года Ниро убедился в своей правоте. Как-то утром по дороге на работу он увидел Джона за необычным занятием — тот курил у себя в садике. Одет он был по-домашнему, выглядел расстроенным, куда-то подевалась его привычная развязность. Было понятно, что Джона уволили. Однако Ниро не подозревал, что Джон еще и потерял практически все. Более подробно о его потерях мы поговорим в главе 5.

Ниро почувствовал стыд за вспышку *Schadenfreude* — радости, которую люди могут испытывать по поводу неудач своих врагов. Однако он не мог сопротивляться ей. Конечно, это было невежливо, и говорят, что это приносит неудачу (Ниро немного суеверен). Но в данном случае его радость была вызвана не тем, что Джон был поставлен на место, а скорее тем, что внезапно доказали свою правильность его

собственные методы, убеждения и образ жизни. Он мог бы привлечь под свое имя много денег только потому, что с ним похожая неудача просто не могла произойти. Повторение такого события означало бы для него рост доходов. Отчасти ликование Ниро было вызвано гордостью за приверженность своей стратегии: долгое время он был верен ей, вместо того чтобы соперничать за положение мужчины первого сорта. А еще он радовался, что ему больше не нужно сомневаться в своем стиле торговли, когда другие становятся богаче только потому, что не понимают структуру случайности и рыночных циклов.

Серотонин и случайность

Можем ли мы судить об успехе людей по их видимым результатам и личному богатству? Иногда, но не всегда. Мы увидим, что эффективность работы многих выдающихся бизнесменов не выше, чем при метании дротиков вслепую. Более любопытны те случаи, когда благодаря специфическим склонностям наименее способные становятся самыми богатыми. Однако и они не в состоянии сделать скидку на роль удачи в своих результатах.

Везучие дураки совсем не подозревают, что они всего лишь везучие дураки, — по определению, они не знают, что принадлежат к этой категории. Они будут вести себя так, будто заслуживают этих денег. Череда успешных сделок обеспечивает им такой приток серотонина (или иного подобного вещества), что они могут убедить себя в умении действовать лучше рынка (наша гормональная система не в курсе, зависит ли успех от случайности). Это отражается даже в осанке: прибыльный трейдер ходит прямо, ведет себя деловито и говорит обычно больше, чем трейдер, теряющий деньги. Ученые считают, что серотонин, этот нейротрансмиттер, определяет многое в нашем поведении. Он обеспечивает положительную обратную связь, то есть идеальный цикл, но из-за случайного внешнего воздействия может начаться обратное движение, что вызовет порочный цикл. Известно, что обезьяны, которым ввели серотонин, растут в социальной иерархии, что вызывает еще большее повышение уровня серотонина в их крови, пока полоса удач не прервется и не перейдет в полосу неудач (когда осечка приводит к понижению социального статуса и поведению, влекущему дальнейшее падение в социальной иерархии). Сходным образом улучшение личных результатов (независимо от того, детерминировано оно

или произошло благодаря госпоже Фортуне) вызывает рост количества серотонина, и вследствие этого развиваются способности, которые принято называть лидерскими. У человека полоса удач. Какие-то незначительные изменения в манере поведения — например, умение держать себя спокойно и уверенно — помогают человеку выглядеть кредитоспособным, как если бы он и в самом деле был достоин богатства. Случайность будет исключена из списка факторов, влияющих на результаты, до тех пор пока она снова не поднимет голову и не даст пинка, инициирующего нисходящую спираль.

Несколько слов о выражении эмоций. Почти никто не может их скрывать. Ученые-бихевиористы уверены, что одной из главных причин лидерства людей становятся не способности, а умение произвести внешнее впечатление на других благодаря трудно определяемым физическим сигналам — то, что сегодня мы называем словом «харизма». Биология этого явления уже хорошо изучена в рамках направления, занимающегося «социальными эмоциями». Между тем некоторые историки «объясняют» успех в терминах, например, тактических навыков, правильного образования или других теоретических причин, видимых задним числом. Кроме того, похоже, существует любопытная связь между лидерством и формой психопатологии (социопатией), которая провоцирует непреклонных, самоуверенных и равнодушных людей спланировать вокруг себя последователей.

Люди нередко демонстрируют невоспитанность, спрашивая меня, был ли прибыльным мой торговый день. Если бы при этом присутствовал мой отец, он остановил бы их своими обычными словами: «Никогда не спрашивай человека, не из Спарты ли он. Если да, он и так сообщит столь важный факт, а если нет, ты можешь оскорбить его чувства». Точно так же никогда не спрашивайте трейдера, получил ли он прибыль, — вы сможете легко определить это по жестам и походке. Люди из этого бизнеса сразу скажут, зарабатывает трейдер деньги или теряет их; главные трейдеры быстро понимают, кто из их сотрудников несет убытки. Выражение лица говорит мало, поскольку люди сознательно пытаются контролировать его. Но их движения, то, как они говорят по телефону, и общая нерешительность достоверно расскажут об их истинном положении. После увольнения Джон, конечно, потерял много серотонина — если только не какого-то другого вещества, которое ученые откроют в следующем десятилетии. Один

чикагский таксист поведал мне, что может сразу сказать, хорошо ли идут дела у трейдера, севшего к нему в машину у фьючерсной биржи Chicago Board of Trade. «Они такие надутые», — объяснил он. Мне показалось интересным (и загадочным) его умение определять это так быстро. Позднее мне попало правдоподобное обоснование этого в книге по эволюционной психологии, которая утверждает, что физическая демонстрация людьми достижений в жизни, точно так же как и признаки доминирования у животных, может использоваться для передачи сигнала окружающим: это делает победителей легко заметными и помогает при выборе пары.

Ваш стоматолог богат, очень богат

Мы завершаем эту главу намеком на последующий разговор о том, как сопротивляться случайности. Вспомните, Ниро в соответствии со стандартами своего времени может считаться преуспевающим, но не «очень богатым». Однако в соответствии с определенным методом учета, который мы рассмотрим в следующей главе, он чрезвычайно богат *в среднем по всем жизням*, которые могли бы у него быть, — в своей карьере он так мало рискует, что вероятность катастрофы очень мала. У него не было успеха Джона, но и не было его падения. Следовательно, он богат в соответствии с этим необычным (и вероятностным) методом учета доходов. Вспомните, что Ниро защищает себя от маловероятного события. Если бы ему пришлось прожить свою профессиональную жизнь несколько миллионов раз, лишь очень немногие из них были бы повенчаны с неудачей, но благодаря его консерватизму чрезвычайно удачных было бы совсем мало, то есть по стабильности его жизнь напоминает судьбу верующего часовщика. Естественно, мы говорим только о его профессиональной жизни, не учитывая личную (иногда изменчивую).

Возможно, *с точки зрения математического ожидания* стоматолог значительно богаче рок-музыканта в розовом роллс-ройсе, спекулянта картинами импрессионистов или бизнесмена, коллекционирующего самолеты. Нельзя оценивать профессию без учета как среднего количества людей, занимающихся ею, так и числа достигших в ней успеха. Позднее мы рассмотрим это с точки зрения ошибки выживаемости, но здесь, в части I, разберем с позиции сопротивления случайности.

Сравним двух соседей, Джона Доу А, уборщика, выигравшего в лотерею Нью-Джерси и переехавшего в богатый район, и Джона Доу Б, его нового соседа с более скромными сбережениями, сверлившего зубы восемь часов в день на протяжении последних тридцати пяти лет. Очевидно, можно сказать, что проживи Джон Доу Б свою жизнь с момента окончания медицинского института несколько миллионов раз, благодаря его скучной профессии диапазон возможных результатов был бы сравнительно узким (если предположить, что он должным образом застрахован). В лучшем случае он закончил бы тем, что сверлил зубы богатым жителям нью-йоркской Парк-авеню, а в худшем — жителей какого-нибудь полувывершего городка в горах Катскилл, ютящихся в трейлерах. Более того, если бы он окончил очень престижную зубоврачебную школу, диапазон возможных вариантов был бы еще уже. Что касается Джона Доу А, то даже проживи он свою жизнь миллион раз, почти во всех случаях мы бы видели его в должности уборщика (тратящего бесконечное количество долларов на бесполезные лотерейные билеты), и лишь в одной из миллиона он выиграл бы в лотерею Нью-Джерси.

Идея учитывать как наблюдаемые, так и все невидимые, но возможные результаты выглядит сумасшедшей. Большинство людей связывают вероятность с потенциальными событиями, а не с тем, что произошло в обозримом прошлом; уже произошедшее событие имеет 100-процентную вероятность, то есть оно достоверно. Я обсуждал эту тему со многими людьми, привычно обвинявшими меня в смешении мифа и реальности. Мифы, особенно древние, как показывает случай с предупреждением Солона, могут быть гораздо более могущественными (и снабжать нас большим опытом), нежели простая реальность.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

